

УДК 34(37)+34.02

Максим Викторович Эмих
младший научный сотрудник
отдела права
Института философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук
г. Екатеринбург
(343) 251-78-77 emikh3@gmail.com

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ГОСУДАРСТВА ПО РИМСКОМУ ПРАВУ

Автор рассматривает проблемы возникновения и динамики развития правосубъектности государства в римском частном праве, выявляет основные черты юридической личности римского государства в частно-правовой сфере.

Гражданская правосубъектность, государство, римское частное право.

Государство традиционно рассматривается в правовой литературе как субъект, наделенный властью по отношению к другим участникам общественных отношений. Веления государства носят общеобязательный характер. Так, согласно части первой статьи 392 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [9] «вступившие в законную силу приговор, определение, постановление суда обязательны для всех органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации». Однако государство как крупнейший собственник имущества участвует также в отношениях, основанных на равенстве их участников, – частноправовых отношениях. Возникает вопрос: когда же государство как образование, наделенное обширными властными полномочиями, отказавшись от навязывания своей воли другим участникам, выступило в имущественных отношениях на равных началах с частными лицами? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к римскому праву. Именно римскими юристами были заложены основы участия в гражданском обороте коллективных субъектов права и «имущественной массы, так или иначе обособленной от имущества физических лиц» [7, с. 95]. Одним из таких коллективных субъектов и является государство.

«Три раза, – писал Иеринг, – Рим подчинял себе мир: первый раз своим оружием, второй – своей религией, третий – своим правом, и все три раза он объединил мир: первый раз – в государственное единство, второй – единство церкви, третий – единство права» [2, с. 108]. Известный русский правовед Ю.С. Гамбаров характеризовал римское право как не превзойденный до сих пор образец формального совершенства, творчества права, удовлетворения жизненных потребностей своего времени и полного слияния теории с практикой [2, с. 109].

Изначально римское частное право предполагало в качестве носителей прав только отдельных лиц. Все отношения, как указывает И.А. Покровский, приуроченные к объединениям лиц, регулировались иными нормами чем те, которые применялись к индивидам [6, с. 307-308]. В то же время, государство (*populus Romanus*) благодаря завоеваниям обладало немалым имуществом: землями (*ager publicus*), рабами (*servi publici*) и т.д. [8]. Естественно, что государству приходилось вступать в отношения с третьими лицами, и действовало оно в данных отношениях, подчиняясь определенным нормам.

Относительно правового положения римского государства в литературе высказываются различные точки зрения. Одни исследователи, такие как Моммзен, Савиньи, Пернис, Гозен [4, с. 56], Д.Д. Grimm [3, с. 88], с древнейших времен характеризуют римское государство как юридическое лицо. Другие, к числу которых относятся Н.С. Суворов [8], И.А. Покровский [6, с. 314-315], В.А. Мусин [5, с. 60], Е.А. Флейшиц [7, с. 96], считают, что его не следует рассматривать как субъект частноправовых отношений по крайней мере до второй половины республики.

Так, Гозен, специально остановившись на вопросе о юридической личности римского государства в древнейший период, говорит, что «мы можем утверждать с полной решительностью, что к концу нашего периода государство как таковое, как *populus Romanus*, уже давно было признано субъектом прав не только в имущественном праве, но и в процессуальном... Таким образом, государство является во всех отношениях юридической личностью» [4, с. 57]. «Само государство у римлян, – соглашается с Гозеном Grimm, – издревле пользовалось самостоятельной имущественной правоспособностью» [3, с. 88].

Действительно, римское государство не только заключало договоры с другими государствами и не только получало разные доходы, но и вступало в юридические отношения со своими собственными гражданами, заключало арендные договоры и принимало поручительства, давало в заем гражданам и получало обратно занятые суммы, покупало и продавало движимые и недвижимые вещи [8]. Тем не менее представляется, что его имущественное право покои-

лось на совершенно иных основаниях, нежели права частных лиц [8], а отношения, связанные с участием государства в имущественном обороте, регулировались не частным, а публичным правом [5, с. 59-60]. Так, государственные земли (*ager publicus*), отмечает И.А. Покровский, не обладали оборотоспособностью, присущей землям частных лиц [6, с. 307]. Для того чтобы государственная земля могла быть передана частному лицу, необходим был направленный на это специальный закон, в силу которого представители государственной власти совершали особый акт – *datio adsignatio*, который делал приобретателя квинритским собственником. Существовавший параллельно иной способ передачи государственной земли – ее продажа, производимая обычно квесторами, не делал приобретателя полноправным собственником, а наделял его лишь наследуемым владением [4, с. 60-61]. Кроме того, для имущественных отношений государства с частными лицами не требовались формы, предписанные для частных изъявлений воли [8]. Порядок, соблюдавшийся при сделках, совершаемых государством, был один. Все они проводились публично путем торгов, имущество передавалось предложившему наиболее выгодные условия, путем *adsignatio* приобретатель земли становился квинритским собственником помимо манципации [4, с. 70-71]. Аргументация Моммзена, утверждавшего, что реквизит формальных сделок в сделках, заключаемых самим государством, возмещается повсюду его участием, ибо государство не связано установленными им для частных лиц формами [4, с. 58], неубедительна ввиду того, что частному праву присуще равенство участников регулируемых им отношений, а установление особых правил участия в обороте является нарушением такого равенства. Более верной представляется позиция И.А. Покровского, полагавшего, что сделки магистратов с частными лицами свободны от форм, предписываемых гражданским правом, именно потому, что они не являются договорами обычного гражданского права [6, с. 308].

Более того, другие известные нам данные свидетельствуют о том, что нормы, опосредовавшие участие государства в имущественных отношениях, основывались на принципах, противоречащих основным началам римского частного права. Наглядным подтверждением данного утверждения выступают последствия сделок, совершаемых магистратами: если они совершены компетентным магистратом, то последствия касаются непосредственно государства. Как известно, конструкция прямого представительства была неизвестна римскому частному праву [7, с. 247].

Следовательно, можно сделать вывод о том, что римское государство в указанный период своего существования не относилось к числу субъектов частного права и не участвовало в частноправовых отношениях.

Об изменении положения римского государства можно говорить с момента установления принципата. Оно связано прежде всего с возникновением в Риме самостоятельной казны принцепса (императора) – фиска (*fiscus Caesaris*), который подчинился нормам частного права [8].

Изначально в Риме существовала единая государственная казна, именуемая эзаром (*aerarium populi Romani*, *aerarium Saturni*) [1, с. 72]. Эзар представлял из себя центр всей имущественной жизни республиканской общины, куда стекались все доходы государства, из какого бы источника они не шли, из него производились все платежи и выдачи государства, в нем концентрировались права требования и долги. В публичные книги, заполняемые квестором, стоявшим во главе эзара, заносились не только движения сумм, но и различное имущество, принадлежавшее римскому государству [4, с. 59-60].

Однако никакому отдельному лицу невзирая на меру его политической правоспособности не принадлежало право на расходование казенных денег [8], а принцепсу для выполнения задач, лежащих на нем, необходимы были средства. Пользоваться средствами из эзара означало для него поставить себя в то подчиненное по отношению к сенату положение, в каком находились республиканские магистраты, что, по словам В.Б. Ельяшевича [4, с. 86-87], противоречило сущности нового строя, при котором власть разделялась между сенатом и принцепсом как двумя представителями народа. Именно ввиду этого Октавианом Августом был учрежден фиск (*fiscus Caesaris*) [1, с. 71-72], что повлекло разделение провинций на сенатские и императорские. В фиск стали поступать доходы из императорских провинций [3, с. 88-89].

На имущественно-правовом положении эзара эти изменения как таковые первоначально не отразились. Он как был, так и оставался *aerarium populi Romani* со всеми вытекающими отсюда юридическими последствиями.

Вопрос о правовой природе фиска вызвал бурную дискуссию у историков римского права.

Так, Моммзен (аналогичной точки зрения придерживался также В.А. Мусин [5, с. 60]) считал [4, с. 88-91], что фиск по происхождению – это частное имущество принцепса. В доказательство он приводил аргумент о порядке наследования по отношению к фиску: фиск переходит по наследству вместе с иным имуществом принцепса, приобретенным не из общественных средств. «Императоры составляют обыкновенные завещания и наследственной массой при этом может считаться лишь все имущество независимо от того, пришло ли оно к наследодателю в силу частноправовых или публичных оснований» [4, с. 92-93]. Оппонируя Моммзену, В.Б. Ельяшевич отметил, что в завещании Августа совершенно явственно противопоставляется частное и общественное имущество [4, с. 93]. Тем не ме-

нее даже если предположить, что фиск и частное имущество принцепса делили после его смерти одну и ту же судьбу, переходя к одному и тому же обозначенному в завещании лицу, то это не дает нам оснований делать вывод о том, что фиск представлял собой частное имущество принцепса. Другой немецкий историк – Гиршфельд отмечал [4, с. 89], что с самого начала государственные доходы, идущие принцепсу как таковому, совершенно отделялись от его частных доходов, что также дает основание предполагать, что фиск не являлся имуществом принцепса как частного лица.

Близкое к точке зрения Моммзена мнение было высказано Бринцем [4, с. 97], также считавшим, что фиск принадлежал принцепсу на праве собственности, но не как частному лицу, а как обладателю государственной власти (*imperium*'a). Он называет фиск целевым имуществом. О. Карлова, развивая мысль Бринца [4, с. 98], проводит аналогию между особым должностным имуществом (*Magistratsgut*), принадлежавшим магистрату в силу должностного положения и которое тот обязан был употреблять на общественные цели.

Другое предположение о правовой природе фиска было выдвинуто Моммзеном [4, с. 96-97], но им же самим и опровергнуто. Данное утверждение гласит, что субъектом фиска является непосредственно само государство. Однако затем ученый отказывается от своего предположения, указав, что оно резким образом противоречит всем преданиям.

В.Б. Ельяшевичем высказана мысль [4, с. 98-99], что фиск представлял собой имущество государства, предоставленное в распоряжение принцепса. Действительно, в продолжение всего республиканского периода имущество, служащее государственным целям, рассматривалось как совсем особая категория имущества, как *res publicae*, отличная от имущества частного, противоположная ему. Поэтому предположение о том, что половина доходов римского государства начинает в один момент рассматриваться как частная собственность одного человека, видится крайне маловероятным. Тем более, что данных, которые действительно бы свидетельствовали о переходе государственного имущества в частную собственность принцепса, нет. Более того, введение принципата формально было возвратом верховной власти (захваченной триумвиратом) народу. Не как узурпатор, а как восстановитель законного порядка, выступает на первых порах принцепс. В республиканские времена для юристов и для неюристов не могло подлежать сомнению, что имущество народа принадлежит народу, отмечает Н.С. Суворов, и что этим имуществом может распоряжаться только сам народ в его закономерном образе [8].

С другой стороны, правовой режим фиска разительно отличался от эрара. Имущество, составляющее фиск, не рассматривалось римля-

нами как непосредственно принадлежащее государству. В частности, фискальное имущество фигурирует в завещании Августа Октавиана, но, как отмечает В.Б. Ельяшевич, оно не смешивается с частным имуществом Августа, его судьба оговаривается особо [4, с. 92-93]. Наконец, к фискальному имуществу изначально применялись нормы частного права, чего нельзя сказать об эраре, который у римлян ассоциировался непосредственно с государством и виделся как *res publicae* – «принадлежат всем вообще, но никому в частности» [6, с. 308]. Именно тем, что римляне не воспринимали фиск как имущество, принадлежавшее «всем вообще, но никому в частности», можно объяснить распространение частнопровых норм на фискальное имущество.

Следует согласиться с В.Б. Ельяшевичем в том, что фиск – имущество государственное, но переданное в управление принцепса. Принцепс обязан был расходовать это имущество на общественные цели. Так, если бы Август сложил с себя звание принцепса, отмечает Моммзен [4, с. 89-90], то он мог быть привлечен к ответственности за расходование врученных ему средств так же, как Л. Сципион.

Итак, к началу периода принципата сложилась ситуация при которой рядом стоят два комплекса общественного имущества – старый эрар, на который распространялись специальные нормы, и фиск принцепса, отношения с участием которого всецело подчиняются частному праву. Применительно к данному историческому периоду уже можно говорить о том, что отношения с участием государства регулируются частнопровыми нормами. Как было указано выше, фиск к моменту установления принципата являлся государственным имуществом, переданным в управление принцепса. Но фиск еще не обнимает собой все государственное имущество, эрар как государственная казна продолжает существовать, поэтому можно утверждать, что участию государства в имущественных отношениях присущ дуализм. Часть имущественных отношений государства регулируется особыми публично-правовыми нормами – это отношения, в которых государство распоряжается имуществом, составляющим эрар. В то же время отношения, в которых принцепс распоряжается фиском, урегулированы частным правом.

В дальнейшем происходит процесс сосредоточения властных полномочий в руках принцепса, что отразилось и на положении фиска. Во-первых, происходит постепенное поглощение фиском доходов эрара, во-вторых, у фиска появляются привилегии, подчеркивающие его особый статус в рамках частнопрового оборота.

Так, постепенно складывается правило, согласно которому доходы с вновь введенных императором налогов поступают в фиск, в частности налог с наследств (*vigesima hereditatum*) и налог с вещей, продаваемых аукционным порядком (*centesima rerum venalium*) [8]. Затем, в III в. н.э. при императорах династии Северов, исчезло различие между императорскими и сенатскими провинциями, доходы со

всех провинций стали поступать в императорскую казну [8]. У эрара были отняты главные источники дохода, вследствие чего он как государственная казна прекратил свое существование [1, с. 72-73], превратившись в римскую городскую казну [8]. Очевидно, с III в. н.э. фиск становится единственной государственной казной, отношения государства в имущественной сфере регулируются частным правом, а не особыми правилами, применявшимися ранее.

Осознав себя носителями верховной власти, утверждает В.Б. Ельшевич, принцепсы начинают претендовать для своего имущества на исключительное положение, присущее по римским воззрениям имуществу государства, с которым принцепсы себя теперь отождествляют [4, с. 108-109]. Фиск получает ко II в. н.э. такое большое число привилегий, что становится возможным говорить об особом фискальном праве (*ius fisci*). Фиск принцепса уже не трактуется совершенно так же, как частное право лиц; напротив, он этим противопоставляется частным лицам. Фиск пользовался, не считая таких прав как право на выморочное имущество, следующими привилегиями: 1) он имел законное залоговое право в имуществе своих должников без предварительного с ними соглашения о залоговом обеспечении; 2) по контрактам он брал с должников проценты без особого соглашения об этом, тогда как сам он, наоборот, без особого соглашения не платил процентов даже в случае просрочки; 3) фиск в отношении к защите его интересов пользовался привилегиями, предоставленными несовершеннолетним (*iura minorum*), в особенности привилегией восстановления в прежнее состояние; 4) фиск переносил на правопреемников право собственности на такую вещь, на которую сам не имел права собственности, то есть если отчуждалось частному лицу такое имущество, на которое фиск не имел права собственности, то право приобретателя тем не менее должно было оставаться неприкосновенным на случай эвикции, заинтересованному лицу же предоставлялась возможность в течение четырехлетнего срока предъявить свои претензии к казне. Впрочем, как отмечает Н.С. Суворов, постановление решений против казны по спорным ее делам с частными лицами не считалось преступлением [8]. Более того, без прямого определения закона фиск не мог претендовать ни на какие привилегии, а подчинялся общим правилам [1, с. 73].

Итак, подчинение государственного имущества нормам частного права, явившееся следствием связи этого имущества с принцепсом и сохранившееся в дальнейшем развитии принципата несмотря на тенденцию к усилению власти принцепса имело огромное значение. Впервые общественное имущество, призванное служить государственным целям, вступает в общегражданский оборот. Как мы видим, республиканское государство никогда не ставило себя на один уровень с частными лицами. Оно и для своих имущественных

отношений с частными лицами создало особые формы, которые не только отличались от частноправовых, но и во многом противоречили принципам частного права. Фискальное же имущество в обороте было принципиально по общему правилу уравнено с частным; фиск стал в один ряд с частными лицами, подчинился тем же формам и нормам.

Тем не менее необходимо признать, что римское правосознание не пришло к мысли о том, что именно государство в лице императора-принцепса участвует в частноправовых имущественных отношениях. Выделяя общее понятие *universitas*, которое должно было собой охватить все союзные образования, римские юристы не подводят государство к числу таких субъектов. Связь фиска с принципсом для римлян так сильна, что из-за нее они не увидели стоящего за принципсом государства. Практически, отмечает И.А. Покровский, государство-фиск жило как юридическое лицо, но в теории его обособленность исчезает в личности императора [6, с. 315].

Однако идея уравнивания государства с частными лицами в области имущественных отношений, хоть и оттененная личностью принципса, возникла и получила свое отражение именно в римском частном праве, она же и была воспринята законодательством европейских государств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Барон Ю. Система римского гражданского права / Пер. с нем. Л. Петражицкого. Вып. 1. Кн. I. Общая часть. Изд. 2-е. М., 1898. 244 с.
2. Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. Т. 1. Часть общая. СПб., 1911. 780 с.
3. Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права / Под редакцией и с предисловием Томсинова В.А. М.: Зерцало, 2003. 496 с.
4. Ельяшевич В.Б. Избранные труды о юридических лицах, объектах гражданских правоотношений и организации их оборота. В 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2007. 492 с.
5. Иоффе О.С., Мусин В.А. Основы римского гражданского права. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1975. 156 с.
6. Покровский И.А. История римского права. СПб.: Издательско-торговый дом «Летний сад», 1999. 535 с.
7. Римское частное право: Учебник / Под ред. Новицкого И.Б., Перетерского И.С. М.: Юриспруденция, 2005. 448 с.
8. Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву [Электронный ресурс]. М.: Статут, 2000. 299 с. – Режим доступа: <http://civil.consultant.ru/elib/books/8/> (проверено 27.05.2008).
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 2001. № 52 (Ч. I). Ст. 4921.

*Эмих М.В. Возникновение и развитие гражданской правосубъектности
государства по римскому праву*

RESUME

Maxim Viktorovich Emikh, junior researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg, (343) 251-78-77
emikh3@gmail.com

Origin and Development of Civil Legal Capacity of State According to Roman Law

The author considers the origin of civil legal capacity of state in Roman law and defines the characteristics of legal personality of the Roman state in private-law sphere.

Civil legal capacity, state, Roman civil law.

Материал поступил в редколлегию 03.06.2008 г.